

Дмитрий СЕВОСТЬЯНОВ

ФАНАТИЗМ: АНАЛИЗ ИЕРАРХИЧЕСКИХ И ИНВЕРСИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Данная статья написана с целью философского анализа фанатизма как социального явления. Фанатизм стал важнейшей угрозой в современном мире. Однако без философского анализа данного явления мы оказываемся беззащитными перед ним. Ключом к пониманию фанатизма является анализ иерархических и инверсивных отношений в человеческой активности. The aim of the present paper is to analyze the fanaticism as social phenomenon from the philosophy view as nowadays fanaticism is considered mostly as a major challenge in modern world. The key for understanding the fanaticism is to analyze hierarchy and inversion relations in human activity.

Ключевые слова:

фанатизм, иерархическая система, инверсия; fanaticism, hierarchical system, inversion.

Фанатизм в настоящее время стал поистине глобальной проблемой. Появился он не вчера, но современный высокотехнологический мир чрезвычайно уязвим для этого явления. Фанатик за штурвалом самолета способен натворить несравненно больше бед, чем его далекий предшественник верхом на лошади или на верблюде.

Фанатизм в современном обществе составляет разительный, чудовишный контраст с гуманистическими достижениями человечества. Мало того, понимание чрезвычайной ценности человеческой жизни как раз и составляет отправную точку многих проявлений фанатического поведения. Ни захват заложников, ни действия террористов-смертников не имели бы общественного резонанса, а следовательно, и утилитарного смысла, если бы в глазах общества жизнь отдельного человека не была бы столь важна, как сейчас. Но в гуманистическом развитии немислимы никакие «шаги назад», и потому такая своеобразная «точка опоры» для террористических проявлений будет впоследствии только укрепляться.

Вместе с тем говорить о фанатизме применительно к кому-либо персонально всегда не просто. Священник Г.П. Чистяков отмечал, что «фанатизм» — всегда ярлык: этот термин употребляется лишь по отношению к кому-нибудь другому, и притом только к тому, кого мы не понимаем. Следовательно, задача состоит и в том, чтобы понять позицию фанатика (это вовсе не значит, что такую позицию следует разделять).

Изучение фанатизма обладает, кроме собственной значимости, еще и прогностической ценностью: на этой модели мы можем «обкатывать» не только осознание нынешних, но и моделирование грядущих опасностей и угроз. Однако для такого предвидения необходимо принять некоторые общие принципы системного исследования общественных явлений.

Один из таких системных подходов состоит в анализе иерархических отношений в человеческой активности. Активность может изучаться на разных уровнях — как в индивидуальном, так и в социальном поведении; она проявляется в непосредственных действиях, в формировании ценностей и мотивов. Но в любом случае мы обнаруживаем в активности субъекта иерархически соподчиненные уровни. Эти уровни, в свою очередь, могут быть обособлены на основании различных подходов и принципов. Так, разные иерархические уровни выявляются в моторике субъекта, в его мышлении, в мотивационно-потребностной сфере. Иерархию мы обнаруживаем и в общественном устройстве; известно множество классических

СЕВОСТЬЯНОВ
Дмитрий
Анатольевич —
к.мед.н., доцент
кафедры педагогики
и психологии
Новосибирского
государственного
медицинского
университета
dimasev@ngs.ru

работ по социальной стратификации — например, труды Питирима Сорокина (1889–1968)¹.

Принципы, согласно которым соподчиняются уровни в иерархической структуре, подразделяются на две большие группы: на *сущностные* принципы, отображающие неотъемлемые свойства соподчиняющихся элементов, и *атрибутивные* принципы, по которым происходит соподчинение вторичных, присоединенных извне признаков. Так, возраст человека (определяющий в иерархии отношения старшинства) — сущностное свойство; материальный достаток — свойство атрибутивное.

Иерархические отношения как внутри-системные связи обладают определенной направленностью. Характером внутри-системных связей, в конечном счете, и определяется тип самой системы.

В иерархических системах нередко возникает парадоксальное явление: хотя формально расположение соподчиненных элементов в системе остается прежним, вектор иерархических отношений меняет свое направление на противоположное. Данная ситуация представляет собой инверсию в иерархической системе. Отсутствие же инверсий до настоящего времени нигде специально не оговаривалось; будем называть такие традиционно-иерархические отношения *ордером*.

В реальных иерархических системах инверсий тем больше, чем сложнее система; в столь сложной системе, как система «человек», инверсии так или иначе присутствуют всегда. Система же, лишенная инверсий, в своем роде совершенна; но совершенна она только для себя и внутри себя, вне взаимодействия с окружающим миром. Ее ожидает гибель в неподвижности, вечный стабильный статус, подобный вечному недвижному состоянию египетских пирамид.

Инверсии возможны только в том случае, когда иерархия строится одновременно и по сущностным, и по атрибутивным принципам. Вот пример из социальной сферы. Раньше в обществе соседствовало два иерархических принципа: сословный (сущностный) и имущественный (атрибутивный). Принадлежность к дворянскому сословию означала привилегированное положение в общественной иерархии; богатый дворянин занимал видное поло-

жение и по имущественному принципу. Однако, подобно известным героям Дюма, дворянин мог быть и буквально нищим. Стоящий несравненно ниже него простой лавочник оказывался намного богаче в материальном плане. Это создавало условия для некоторых социальных коллизий, обусловленных такой инверсией.

Сущностные принципы составляют опору, «скелет» иерархической системы. Атрибутивные принципы обеспечивают возможность внутренних движений в ней. В сочетании два разнотипных организационных принципа порождают возможность инверсий в системе.

Инверсивные связи в любой системе волей-неволей вторичны по отношению к ордеру. Для того чтобы инверсивные отношения проявились, отношения ордера уже до этого должны существовать. Зато потом, по ходу существования иерархической системы, в ней могут возникнуть все новые и новые инверсивные связи.

Накопление инверсивных отношений в любой иерархической системе рано или поздно приводит ее к гибели. Но это уже не гибель в неподвижности, это гибель, чреватая последующим возрождением на новом витке развития. Понимание этой динамики систем тем более необходимо, что человек сам по себе всегда является частью некоторой надличностной системы.

В деятельности каждого человека, включенного в социальную общность, существует определенная иерархия ценностей и мотивов; эти мотивы могут носить как эгоистический, так и просоциальный характер.

Просоциальность мотивов есть прежде всего поддержание той общей системы, того информационного поля, которое сообща создали многие поколения людей и которое только и позволяет нам быть разумными. Потому такие мотивы и принято считать мотивами высшего порядка.

Для стабильности любой социальной системы требуется некоторое динамическое равновесие между ордером и инверсиями. Инверсии, накапливаясь, разрушают систему. Но, как ни парадоксально, те же инверсивные связи играют в системе и стабилизирующую роль; чрезмерное преобладание ордера также разрушительно.

Движение общества, его, развитие подразумевает некий элемент нестабильнос-

¹ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. — М.: ИПЛ, 1992, с. 295–425.

ти — некоторое преобладание отношений порядка над отношениями инверсии. Если отношения порядка преобладают, то высшие ценности каждого индивида — это коллективные символы сообщества. Символы абстрактны, но именно в них состоит залог способности к общему существованию и общему развитию.

Человек, погруженный исключительно в одни инверсивные отношения, становится гедонистом. Человек, ориентированный лишь на высшую символическую деятельность в пределах своей общественной группы, в крайнем своем выражении есть фанатик. Он оказывается скованным «технологическими рамками» данного типа отношений.

Так, поскольку фанатика увлекают не частные, а общие символы, накопленные в исторической ретроспективе, ему свойственно идеализировать прошлое и жить прошлым. Н.А. Бердяев описывал фанатизм так: «Происходит страшное сужение сознания, подавление и вытеснение многих существенных человеческих черт... Единство достигается не через полноту, а через все большую и большую ущербленность»¹. Фанатик, обращаясь к символу и только к символу, пренебрегает собственной жизнью и точно так же относится к чужой. Огромное содержание коллективных символов фанатик стремится удержать в своем актуальном сознании, что невозможно в принципе, ибо объем актуального сознания относительно невелик; потому его представления отличаются крайней примитивностью. Он тяготеет к простым решениям сложных проблем; проблемы персонифицируются в конкретных «носителях зла», а самый радикальный способ решения — уничтожение этих «носителей».

Ц.П. Короленко и Т.А. Донских считают фанатическое поведение одним из катастрофических сценариев жизни². У нас перед глазами имеется масса примеров, подтверждающих это. Проявления фанатизма — убийства на почве религиозной и национальной ненависти; преступления, совершаемые террористами-смертниками, вплоть до тех, которые имели

место 11 сентября 2001 г., и многие другие поведенческие акты, которые нельзя не признать путем, ведущим только к катастрофе.

Это не значит, однако, что фанатизм всегда есть только деструктивное и общественно опасное явление. Например, древние римляне, будучи язычниками, не были поборниками религиозного фанатизма, в то время как завоеванные ими иудеи такой фанатизм проявляли. В результате римское язычество исчезло, исчез и сам древнеримский этнос; еврейскому же народу удалось сохранить свою религиозную и национальную идентичность на протяжении тысячелетий, несмотря на рассеяние и гонения. Фанатизм, который проявили иудеи, стал своеобразным защитным механизмом для них. Именно фанатичное слежение за чистотой веры, этноса и традиций помогает небольшим по численности народам выживать³.

Таким образом, фанатизм сегодня составляет формальную противоположность эгоистическим тенденциям, он выступает как своеобразный суррогат альтруизма и стремления к общественному благу; он возникает из желания сохранить исходные иерархические отношения в ценностно-мотивационной сфере любой ценой, в противовес накопившимся инверсиям.

Хотя экстремизм, построенный на фанатическом поведении, и использует гуманистические достижения как своего рода точку опоры, отнюдь не гуманизм приводит к появлению фанатизма. Истинные корни фанатического поведения в современном его исполнении состоят в накоплении инверсивных проявлений: в наличном примате потребительских ценностей над духовными, в растущей относительности нравственных ценностей, в преобладании обрядовой стороны религии над нравственной ее стороной, в инфантилизме и беспомощности отдельного человека, в его отчуждении и чувстве одиночества.

¹ Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине // <http://uro.narod.ru/bibliotheca/Berdiaev.htm> (дата обращения 24.08.09).

² Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1990, 224 с.

³ Ким В.В. Некоторые аспекты формирования фанатизма: на примере религий // Международный сборник научных трудов, вып. 10. — Волгоград, изд-во ВолГУ, 2006, с. 29–35.